На правах рукописи

ЛЮ ЦЯН

БУДДИЗМ В ДЖУНГАРСКО–ЦИНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (КОНЕЦ XVII В. – СЕРЕДИНА XVIII В.)

Специальность 5.6.2. – Всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Москва - 2022

Работа выполнена на кафедре всеобщей истории факультета Гуманитарных и социальных наук Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Научный руководитель: **Китинов Баатр Учаевич**
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН ИВ РАН, доцент кафедры всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

Официальные оппоненты: **Пиков Геннадий Геннадьевич**
доктор исторических наук, доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Гуманитарного Института ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет»

Курапов Андрей Алексеевич
доктор исторических наук, зам. директора по науке и экспозициям, ГБУК АО «Астраханский музей-заповедник»

Ведущая организация: **ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова»**

Защита состоится « » _____2022 года в часов на заседании диссертационного совета Д 002.042.03 по историческим наукам на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт востоковедения РАН», по адресу: 107031, г. Москва, ул. Рождественка, 12.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБУН «Институт востоковедения РАН» по адресу: 107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12 и на сайте www.ivran.ru

Автореферат разослан « » _____2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук А.А. Петрова

© ФГБУН «Институт востоковедения РАН», 2022

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Джунгарско-цинские отношения издавна находятся в центре внимания специалистов. Интерес представляют их столкновения и ряд войн, длившиеся практически 60 лет. Несмотря на вышедшие важные работы по истории Джунгарии и ее отношениям с соседними странами и народами, сохраняется ряд вопросов, нуждающихся в дальнейших изысканиях: происхождение джунгаров, становление ханства, ее экономика и др.

Вовлечение религиозного фактора в политику всегда было стандартным приемом в деятельности государств ради достижения тех или иных выгод и решения назревших задач. Одним из наиболее характерных примеров является история взаимодействия и соперничества таких мощных сил в средневековой Центральной Азии, как ойраты-джунгары и маньчжурская династия Цин. Одной из основных проблем, где столкнулись их интересы, было обладание влиянием в Тибете, при этом особые ситуации и процессы были связаны с ролью восточных монголов (халхасов), вернее, вовлечение в их междоусобицы джунгаров и маньчжуров. В борьбе за влияние в Монголии и в Тибете джунгарские хунтайджи и цинские императоры ссылались на свою исключительную роль в защите «чистоты» учения Цонкапы (1357-1419), вообще учения школы Гелук, и «положения» Далай-ламы. Свою роль играло их стремление использовать ламство для утверждения собственных позиций в тибетском буддийском мире: и у джунгаров, и у маньчжуров ламы привлекались к укреплению позиций государств (например, выступали послами), в объединении сообществ (проводили определенные ритуалы и службы); в свою очередь, власти оказывали буддийским священнослужителям всяческую поддержку и содействие.

В изучаемом нами периоде времени выделяется правление трех цинских императоров – Канси (прав. 1662–1722), Юнчжэна (прав. 1722-1735) и Цяньлуна (прав. 1736-1796). Их деятельность в отношении тибетских лидеров и к тибетскому буддизму в целом является примером использования религии в качестве одного из инструментов внешней и внутренней политики империи.

Аналогичное можно отметить и в отношении джунгаров, особенно периода правления известного джунгарского правителя Галдана Бошокту-хана (прав. 1671-1697). Но и в более позднее время – при хунтайджи Цэван-Рабдане (прав. 1697-1727) и Галдан-Цэрэнэ (прав. 1727-1745) буддизм оставался важной составной во внутренней и внешней политике этих джунгарских лидеров.

Особая сторона, так или иначе вовлеченная в джунгарско-цинские отношения, в т. ч. влиявшая на положение религии в них – это другие ойратские народы: хошуты и российские калмыки. Изучение архивных материалов и источников показывает их большой потенциал для более объективного

изучения специфики отношений между джунгарами и маньчжурской династией Цин.

Таким образом, в исторической науке обращалось определенное внимание на роль религии в джунгарско-цинских отношениях, но работы, где этот вопрос был обсужден, были обычно посвящены общей истории ойратов и Джунгарии, в них буддийский фактор, роль буддизма в контексте отношений с Цинской империей не получил должного рассмотрения. Между тем, именно специальное изучение роли и значения буддизма в джунгарско-цинских отношениях позволит наиболее полно представить непростой ход взаимодействия Джунгарии и Цинской империи, понять роль в них светских и религиозных лидеров империи, Тибета и монгольских народов.

Степень разработанности научной проблемы

Российская историография проблемы представлена целым рядом значимых работ по истории отношений между Джунгарией и Цинской империей, где роль буддизма получила некоторое освещение. Труды, где затрагиваются вопросы истории Джунгарии и Цинской империи, в т. ч. роли религии, написаны разными специалистами – монголоведами, кочевниковедами, синологами и др. Одними из таких первых капитальных работ являются труды Н. Я. Бичурина: «Историческое обозрение ойратов или калмыков»[1] и «Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии»[2]. Этот известный синолог основывался практически всегда только на китаеязычных источниках, что придает его трудам уникальную ценность и значение. И хотя роли религии в них посвящено не так много страниц, тем не менее значение проведенной им работы сложно переоценить.

Работы И. И. Тыжнова во многом похожи на результаты трудов А. М. Позднеева[3], однако гораздо менее известны исследователям. Фактически лишь благодаря переизданию его трудов Томским университетом в 2013 г. они стали доступны для ученых[4].

Для изучения калмыцкого права, принятого в 1640 г., была использована работа П. С. Палласа[5]. Этот известный немецко-русский ученый и естествоиспытатель 2-й пол. XVIII в. оставил уникальные записи по калмыкам. Им были проведены параллели между калмыками и прочими ойратами, что повышает ценность его полевых исследований. К изучению ойратского законодательства привлекались работы и других специалистов[6].

---

[1] Бичурин Н. Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Элиста, 1991.

[2] Бичурин Н. Я. Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии. Чебоксары, 1960.

[3] Напр.: Позднеев А. К истории Зюнгарских Калмыков // Унковский И. С. Посольство к Зюнгарскому Хун-Тайчжи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722-1724 годы. СПб., 1887.

[4] Тыжнов И. И. Очерки по истории Средней Сибири XVII–XVIII столетий. Томск, 2013.

[5] Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Часть первая. СПб., 1809.

[6] Напр.: Гурлянд Я.И. Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие. Казань: Тип. Имп. Казан. Университета, 1904; Cosmo N. di. The Qing and Inner Asia: 1636-1800 // The Cambridge History of Inner Asia The Chinggisid Age. Cambridge University Press, 2009.

Взаимодействие ойратов (с основном хошутов) с маньчжурским двором, утверждение хошутами своего правления в Цинхайском регионе посвящен труд В. Успенского[7]. Автор работал в основном с китаеязычными источниками. Книга ценна рассмотрением событий в указанном регионе и их географической привязкой.

Истории калмыков посвящены труды Н. Н. Пальмова, затрагивавшего и отдельные страницы совместной истории калмыков и джунгаров[8]. Им было издано несколько книг, основанных на российских архивных материалах. Также большое число русскоязычных архивных материалов привлек И. Я. Златкин, чья «История Джунгарского ханства»[9] - одна из наиболее капитальных работ в мировой историографии по истории этого ханства. Им были использованы документы и материалы, переведенные с маньчжурского и других языков, а также труды зарубежных специалистов. Автор подробно исследовал особенности истории этих ойратов, положение Джунгарии в отношениях с восточными монголами, с Цинской династией, Тибетом, Россией и соседними тюркскими народами. Несмотря на имеющуюся на сегодняшний день критику ряда положений этого труда, монография была большим шагом в изучении истории джунгаров и до сих пор ее основные идеи сохраняют актуальность. Близкую по значению работу с использованием китайских источников выпустил А. И. Чернышев, обративший внимание на развитие Джунгарии перед ее падением и подчинения территории и населения Цинской империи[10].

Известным дополнением к работе И. Я. Златкина можно считать том VI «Династия Цин (1644 – 1911)» (отв. ред. О. Е. Непомнин) из капитального 10-томного издания «История Китая с древнейших времен до начала XXI века»[11], подготовленного известными российскими китаеведами. Он ценен тем, что в нем кратко, но емко изложены перипетии джунгарско-цинских отношений, показана роль Тибета и его лидеров в их развитии.

Важные аспекты отношений между ойратами и маньчжурами, а также тибетскими лидерами рассмотрен в монографиях Е. Л. Беспрозванных[12], которому удалось показать целостную картину их сложного взаимодействия, и выделить ключевые моменты. Отдельным правителям джунгаров посвящены работы Е. И. Кычанова и К. Ш. Хафизовой[13].

---

[7] Успенский В. Страна Кукэ-Нор, или Цинхай, с прибавлением краткой истории ойратов и монголов, по изгнании последних из Китая, в связи с историей Кукэ-Нора // Записки Императорского Русского Географического Общества. 1880.

[8] Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Часть 1. XVII-XVIII века. Астрахань, 1926; Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Часть II. Астрахань, 1927.

[9] Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. М., 1983.

[10] Чернышев А. И. Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. М., 1990.

[11] История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. Гл. ред. С. Л. Тихвинский. Т. VI: Династия Цин (1644 – 1911). М., 2014.

[12] Беспрозванных Е. Л. Тибетско-китайские отношения в XVII-XVIII веках. Волгоград, 2005; Беспрозванных Е. Л. Калмыцко-китайские отношения в XVIII веке. Волгоград, 2008.

[13] Кычанов Е. И. Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане. Элиста, 1999; Хафизова К. Ш. Цеван-Рабдан и ламаизм // Буддизм ваджраяны в России. Исторический дискурс и сопредельные культуры. М., 2013.

Ценные документы, раскрывающие политику Цинской династии в Монголии, представлены в изданиях И. С. Ермаченко [14] и Т. Д. Скрынниковой[15]. Хотя Джунгарии в них уделено немного места, проведенный этими специалистами анализ цинско-монгольских отношений помогает изучить отдельные аспекты джунгарско-цинских отношений.

Роль Тибета в отношениях между монгольскими народами и маньчжурами, в цинской региональной политике изучается в исследованиях А. С. Мартынова [16], диссертациях и публикациях М. А. Солощевой [17], А. Г. Люлиной[18]. Труд А. С. Мартынова насыщен переводами китайских источников, что делает его ценным для изучения роли Тибета в системе политики Цин. Авторитетной является монография другого известного монголоведа В. Л. Успенского «Тибетский буддизм в Пекине»[19], где на основании множества источников изучаются специфика роли и пребывания тибетского буддизма (в лице лам, культовых сооружений и др.) в столице Цинской империи.

Следует выделить работы Б. У. Китинова, в которых изучается история ойратов в целом, с выделением роли религий в разные периоды истории народа. В частности, это монография «Священный Тибет и воинственная степь»[20], ряд статей, в т.ч. написанных в соавторстве[21], а также докторская диссертация[22]. Как считает этот специалист по истории ойратов, для правителей Цин буддизм был важен прежде всего как один из инструментов воздействия на политику западных монголов, включая и российских калмыков.

Нами использованы работы и более общего характера, где история Джунгарии в разные ее периоды рассматривается в комплексе с историей региона этой части Центральной Азии, в том числе во взаимодействии с сосе-

---

[14] Ермаченко И. С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М., 1974.

[15] Скрынникова Т. Д. Основные тенденции в развитии ламаистской церкви Халхи XVIII – начала XX вв. // Источниковедение и историография истории буддизма. Страны Центральной Азии. Новосибирск, 1986; Скрынникова Т. Д. Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия. XVI — начало XX века. Новосибирск, 1988.

[16] Мартынов А. С. Статус Тибета в XVII–XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений. М., 1978.

[17] Солощева М. А. Политика империи Цин в отношении Тибета в период правления императора Юнчжэна (1723–1735 гг.). Дисс… к.и.н. СПб., 2014.

[18] Люлина А.Г. Этический аспект взаимоотношений между Далай-ламой V и императором Шуньчжи на примере их встречи в Пекине в 1652 г. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. №1; Люлина А. Г. Тибетские институты власти и цинская система администрирования: особенности взаимодействия (середина XVII – конец XVIII вв.). Дисс… к.и.н. М., 2016.

[19] Успенский В. Л. Тибетский буддизм в Пекине. СПб., 2011.

[20] Китинов Б.У. Священный Тибет и воинственная степь: буддизм у ойратов (XIII – XVII вв.). М., 2004.

[21] Китинов Б.У. Китай: религиозно-духовный дискурс цивилизационного ресурса государства// Мир и политика. 2011. №10; Китинов Б.У., Люлина А.Г. Тибетский принцип отношений «чой-йон» в цинских источниках XVII-XVIII вв. // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2018. Т. 10. № 2; Китинов Б. У. «Гоман ламиных духовных служителей… не отпустил назад»: о малоизвестном эпизоде из истории калмыцко-цинских отношений // Восток. Oriens. 2019. № 3.

[22] Китинов Б. У. Буддийский фактор в политической и этнической истории ойратов (середина XV в. – 1771 г.). Дисс… д.и.н. М., 2020.

дями-тюрками: В. В. Бартольда[23], Л. И. Думана[24], А. Ходжаева[25], О. В. Зотова[26], В. А. Моисеева[27]. И. В. Ерофеева пишет об особенностях возведения буддийских монастырей джунгарами[28]. Большой информативностью обладают монографические исследования по истории Калмыкии[29].

На Западе работы о цинском Китае и его отношениях с соседями стали выходить довольно давно. Одной из таких ранних работ является «Общая история Китая»[30], изданная в Лондоне в 1739 г. Тогда Джунгария еще существовала, и поэтому информация из этого издания является по своему уникальной. В конце XIX в. вышла статья известного индийского исследователя культуры и истории Тибета С. Ч. Даса, фактически являющаяся первой работой, где исследуется значение буддизма у монгольских народов[31].

Из западных специалистов одним из первых контакты тибетского буддизма и Тибета с маньчжурами изучал В. Рокхилл[32], считавший, что в начале 2-й трети XVII в. идея установить отношения с Тибетом и его иерархами исходила от маньчжуров, тогда еще готовившихся к захвату Пекина. В его работе приведены редкие документы по цинско-тибетским отношениям и другие источники по интересующим нас вопросам, в т. ч. касающиеся значения Далай-ламы. Х. Ричардсон проанализировал императорские эдикты, находящиеся в Лхасе. Для нас значим изученный им т. н. «Джунгарский эдикт»[33]. Аналогичные документы содержатся в упомянутой выше работе А. С. Мартынова.

Причины и результаты джунгарского вторжения в Лхасу, особенности цинско-тибетского взаимодействия получили обстоятельное изучение у Л. Петека, в частности в монографии «Китай и Тибет в начале XVIII в.» и от-

---

[23] Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. Верный, 1898.

[24] Думан Л. И. Аграрная политика Цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII в. М.-Л., 1936.

[25] Ходжаев А. Цинская империя, Джунгария и Восточный Туркестан. Колониальная политика цинского Китая во второй половине XIX в. М., 1979.

[26] Зотов О. В. Китай и Восточный Туркестан в XV - XVIII вв. Межгосударственные отношения. М., 1991.

[27] Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи (XVII – XVIII вв.). Алма-Ата, 1991; Моисеев В. Джунгаро-казахские отношения в XVII–XVIII веках и политика России // Вестник Евразии. 2000. № 2.

[28] Ерофеева И. В. Буддийские монастыри ойратов в Семиречье (середина XVII – середина XIX в.) // Mongolica XVIII. СПб., 2017.

[29] История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Т. 1, 3. Элиста, 2009.

[30] The General History of China Containing a Geographical, Historical, Chronological, Political and Physical Description of the Empire Of China, Chinese-Tartaty, Corea and Thibet. Including an Exact and Particular Account of their Customs, Manners, Ceremoniese, Religion, Arts and Sciences. Done from the French of P. du Halde. Vol. 4. London, 1739.

[31] Das S. Ch. Rise and Progress of Buddhism in Mongolia (Hor) // Tibetan Studies: Sarat Chandra Das. Calcutta and New-Delhi, 1984.

[32] Rockhill W. W. Tibet. A Geographical, Ethnographical, and Historical Sketch, derived from Chinese Sources // Journal of the Royal Asiatic Society. 1891; Rockhill W.W. The Dalai Lamas of Lhasa and Their Relations with The Manchu Emperors of China 1644-1908. Dharamsala, 1998.

[33] Richardson H. Ch'ing Dynasty Inscriptions at Lhasa. Rome, 1974.

дельной статье[34], где он широко использовал китайские и тибетские источники.

З. Ахмад исследовал китайско-тибетские отношения, и показал участие в них монгольских народов, особенно ойратов и среди них – хошутов[35]. Он выделил отдельные главы, посвященные джунгарам в целом и Галдану в частности (главы 7 и 8). В целом же его труд выступает логичной первой частью обширного исследования китайско-тибетских отношений, если принимать за вторую часть указанную выше работу Л. Петека.

Взаимодействие в треугольнике монгольские народы (в т. ч. ойраты, прежде всего джунгары и хошуты) – тибетские лидеры – цинские правители является одной из главных направлений в исследованиях известной японской исследовательницы Ю. Исихамы[36]. Обращая внимание на причины, по которым тибетские лидеры выделяли ойратов, она считает, что важным было желание лам упрочить положение своего направления буддизма в условиях ойратско-монгольской и джунгарско-цинской борьбы за влияние в регионе.

Особенности взаимоотношений Цин и народов Центральной Азии, включая и религиозно-духовный аспект таких отношений изучает в своих работах Н. ди Космо[37]. Его труды отличает тщательный анализ документов с одновременным принятием во внимание исторических событий в указанном регионе, сопряженных с этими документами.

Роли буддийского фактора в политике Цинской династии посвящены «Империя Пустоты» П. Бергер[38] и «Император как бодхисаттва в управлении Цинской империи» Д. Фагуара[39]. Этими авторами роль буддизма в политике империи оценивается на основании изучения не только документов, но также буддийских творений (от текстов до изображений и картин), на которых императоры представлены и как воплощения бодхисаттв. Подобного рода работы написаны Дж. Хевиа[40]. С. Группер в статье о патронировании Цин буддизма в начале своего правления обосновывает активность маньчжуров в

---

[34] Petech L. China and Tibet in the Early 18th Century: History of the Establishment of Chinese Protectorate in Tibet. Leiden, 1950; Petech L. Notes on Tibetan History of the 18th Century // T'oung Pao. Second Series. 1966. Vol. 52. Livr. 4/5.

[35] Ahmad Z. Sino-Tibetan relations in the seventeenth century. Roma, 1970.

[36] Ishihama Y. A Study of the Seals and Titles Conferred by the Dalai Lamas // Tibetan Studies. Proceedings of the V Seminar of the International Association for Tibetan Studies. Narita, 1989. Naritasan shinshoji 1992. Vol. 2; Ishihama Y. New Light on the “Chinese Conquest of Tibet” in 1720 (based on the new Manchu sources) // Tibetan Studies: Proceedings of the 7th Seminar of the International Association for Tibetan Studies, Graz 1995. Vol. 1–2. Wien, 1997.

[37] Cosmo N. di. Qing Colonial Administration in Inner Asia // The International History Review. 1998. Vol. 20. № 2; Cosmo N. di. Manchu shamanic ceremonies at the Qing court// State and Court Ritual in China. Cambridge University. press, 1999; Cosmo N. di. The Qing and Inner Asia: 1636-1800 // The Cambridge History of Inner Asia The Chinggisid Age. Cambridge University Press, 2009.

[38] Berger P. A. Empire of Emptiness: Buddhist Art and Political Authority in Qing China. University of Hawaii Press, 2003.

[39] Farquhar D. M. Emperor as Bodhisattva in the Governance of the Ch’ing Empire // Harvard Journal of Asian Studies. 1978. Vol. 38. № 1.

[40] Hevia J. Lamas, Emperors, and RituaIs: Political Implications in Qing Imperial Ceremonies // Journal of the International Association of Buddhist Studies. 1993; Hevia J. P. Cherishing Men from Afar: Qing Guest Ritual and the Macartney Embassy of 1793. Duce University press, 1995.

буддийских делах их заинтересованностью в стабильности своего правления[41]. Он обращает внимание на буддийские титулы первых цинских императоров, выделяя их контакты с ламами из школы Сакьяпа. Такая политика позволяла обосновать свою династию как правопреемницы династии Юань, при которой буддизм Сакьяпа получил государственную поддержку.

Значение религии и культуры монголов в формировании их идентичности как подданных Цинской империи изучается П. Кроссли[42]. Изучению монголо-маньчжурских отношений в контексте возвышениями ими значимости династии посвятил монографию исследователь Монголии Й. Элверског[43]. Использование большого числа источников на монгольском, маньчжурском, китайском языках позволяет с большим доверием относиться к его выводам. Одним из основных является следующий: монголы (прежде всего южные) были глубоко вовлечены в государственное строительство империи, высоко оценивали роль религии, и искренне выступали за величие их «Великой Цин».

Работы, где затрагивается исследуемая нами тема, продолжают выходить в Китае. Более всего публикации китайских авторов посвящены истории буддизма у ойратов.

Отметим капитальное исследование известного японского ойратоведа Ж. Мияваки по истории джунгаров и Джунгарии[44], сопоставимое по значимости с монографией И. Я. Златкина. Работа издана в КНР на китайском языке. Автор критически отнеслась к ряду положений И. Я. Златкина и даже указала, что Джунгарского ханства не было как такового, т. к. был всего один правитель с таким званием – Галдан Бошокту-хан, поэтому вернее назвать Джунгарию хунтайджийством[45]. Сама же она называет государство джунгаров, как видно из титула книги, империей. В книге изучаются не только джунгары и Джунгария, но также история ойратов с начала их появления на арене истории. Ж. Мияваки обращает известное внимание на роль буддизма во взаимодействии джунгаров и маньчжурских правителей Китая, особо выделяя период Галдана Бошокту-хана.

В начале 2000-х гг. в Китае были изданы подобные труду Ж. Мияваки обобщающие работы, где ойратам (и джунгарам отдельно) и Джунгарии уделено специальное внимание. В частности, это труд большого авторского коллектива по истории Джунгарии[46] и монография Ван Ли[47]. Первая работа ох-

---

[41] Grupper S. M. Manchu Patronage of Tibetan Buddhism during the First Half of the Ch'ing Dinasty // Journal of Tibetan studies. 1984. №. 4.

[42] Crossley P. K. Making Mongols // Empire at the margins: culture, ethnicity, and frontier in early modern China. London, 2006.

[43] Elverskog J. Our Great Qing. The Mongols, Buddhism and the State in Late Imperial China. University of Hawai'i Press, 2006.

[44] Gong xie chun zi (Japan). Zui hou de you mu di guo-zhun ga'er bu de xing wang. Nei meng gu ren min chu ban she, 2005. (Мияваки Жунко (Япония). Процветание и упадок Джунгарии – последней кочевой империи. Хух-хото, 2005).

[45] Gong xie chun zi (Japan). Zui hou de you mu di guo-zhun ga'er bu de xing wang. Nei meng gu ren min chu ban she, 2005. P.44. (Мияваки Жунко (Япония). Процветание и упадок Джунгарии –последней кочевой империи. Хух-хото, 2005. С.44).

[46] Zhun ga'er shi lue. Guang xi shi fan da xue chu ban she, 2007. (Краткий исторический очерк Джун-

ватывает всю историю этого кочевого государства, в тексте отмечается роль религии, особенно в связи с деятельностью Галдана и Цэван-Рабдана. Вторая, хотя и имеет более общий характер, уделяя внимание в т. ч. и восточным монголам, ценна тщательным изучением цинских документов и материалов.

В публикации Сюй Чанчжуй и Чжан Сяосуна изучается распространение школы Гелукпа в Джунгарском ханстве[48]. Авторы, отмечая роль лам, выделяют законы 1640 г. для укрепления Гелукпой своего влияния у монголов и ойратов. Эту же тему, но шире, исследует Го Ихай. По его мнению, социальная роль ламства у ойратов несколько выпадает с поля зрения специалистов, хотя она имела важное значение для укрепления власти светских кругов[49]. Достижения и сложности во взаимоотношениях отдельных джунгарских и тибетских лидеров между собой, значение лам в ходе джунгарского завоевания Тибета изучены в трудах Ван Фужэня[50] и Ган Со-Наньцао[51].

Ган-Со-Наньцао рассматривает довольно узкий и сложный вопрос: религиозные отношения, бывшие между джунгарскими и тибетскими лидерами в период падения власти Галдана и прихода к власти в Джунгарии его племянника Цэван-Рабдана[52]. Цай-У-Цзя-Фу выделяет торгутов – один из западномонгольских народов, и отмечает, что «в ойратской Монголии племя торгутов самым первым приняло школу Гелукпа тибетского буддизма, что может быть связано с их кочевым географическим положением в то время. Вожди торгутов осознавали роль религии в своем правлении»[53]. Нань Вэньюань приходит к заключению, что высокая вера ойратов-хошутов в учение Гелук имела большое значение в их миграции к Тибету и взаимодействии с известными духовными лицами[54].

гарии. Издательство Гуансиского педагогического университета, 2007).

[47] Wang li. Qing dai meng gu yu xi zang ge lu pai guan xi yan jiu. Bo shi lun wen. Lanzhou da xue, 2008. (Ван Ли. Исследование о взаимоотношениях между Монголией и школой Гелугпа Тибета в эпоху династии Цин. Дисс… к.и.н. Ланьчжоу, 2008).

[48] Xu Chang Ju, Zhang Xiao Song. Zang chuan fo jiao ge lu pai zai zhun ga er han guo de chuan bo he fa zhan // Xi zang da xue xue bao. 2009. № 1. P.128-132. (Сюй Чанчжуй, Чжан Сяосун. Распространение и развитие тибетского буддизма в Джунгарском ханстве // Вестник тибетского университета. 2009. № 1. С.128-132).

[49] Guo yi hai. Zang chuan fo jiao chuan ru wei la te meng gu de li shi guo cheng ji qi she hui ying xiang // Xi bu meng gu lun tan. 2020. № 2. P. 60-66. (Го Ихай. Исторический процесс проникновения тибетского буддизма к ойрат-монголам и его социальное влияние // Форум Западной Монголии. 2020. № 2. С. 60-66).

[50] Wang fu ren. Meng zang min zu guan xi shi lue. Beijing: Zhong guo she hui ke xue chu ban she, 1985. (Ван Фужэнь. Краткая история взаимоотношений между монгольскими и тибетскими этническими группами. Пекин, 1985).

[51] Gang suo nan cao. Qian xi zhun ga’er meng gu shi li zai zang de yuan yin // Xi bu meng gu lun tan. 2012. № 1. P. 30-35. (Ган-Со-Наньцао. Краткий анализ причин могущества джунгар-монголов в Тибете // Форум Западной Монголии. 2012. № 1. С. 30-35).

[52] Там же. Gang suo nan cao. Qian xi zhun ga’er meng gu shi li zai zang de yuan yin // Xi bu meng gu lun tan. 2012. № 1. P. 30. (Ган-Со-Наньцао. Краткий анализ причин могущества джунгар-монголов в Тибете // Форум Западной Монголии. 2012. № 1. С. 30).

[53] Cai wu jia fu. Tu’er hu te meng gu yu zang chuan fo jiao // Xin jiang she hui ke xue. 2006. № 2. P. 110. **(**Цай-У-Цзя-Фу. Торгуты-монголы и тибетский буддизм // Синьцзянские социальные науки. 2006. № 2. С. 110).

[54] Nan Wen Yuan. Ke ke nao’er meng gu: zou xiang bian yuan de li shi. Shenyang, 2007. (Нань Вэнь-

Издаются публикации по истории взаимодействия далай-лам с ойратами, монголами и цинским двором. Так, Ли Янди исследовал политику Центрального правительства в целом по отношению к Тибету[55]. Фэн Чжи обращает внимание на вручение титулов далай-ламам цинскими императорами, на их тесное сотрудничество в самых разных сферах, в т. ч. в вопросе сохранения мира между народами[56]. Более конкретно значение и роль Далай-ламы в отношениях между халха, джунгарами и династией Цин изучены в работе Чжан Шуанчжи[57]. Автор приходит к заключению, что фигура Далай-ламы была ключевой для налаживания отношений между монгольскими народами и новой династией в Китае[58].

Значение буддизма для экономии Джунгарии рассматривает Чэнь Гогуан[59]. Эта тема довольно сложна и специфична, существует не так много публикаций по этому вопросу.

Таким образом, изучению истории джунгаров и их государства посвящено немало исследований в российской, китайской и зарубежной историографии. Учеными привлечены самые различные источники, сложность заключается в том, что необходимо сопоставлять разнообразные документы, свидетельства и материалы, некоторые из которых малодоступны. По содержанию можно заметить, что российские исследователи более обращают внимание на общеойратскую тематику, западные склонны к теоретическим изысканиям, а китайские занимаются особенными узкими периодами, отдельными ойратскими субэтносами. Также можно заключить, что в исторической науке отдельно тема роли буддизма в истории джунгарско-цинского взаимодействия не обсуждалась.

Объект исследования: отношения между Джунгарским ханством и Цинской империей.

Предмет исследования: буддизм в джунгарско-цинских отношениях.

Цель работы – дать целостную характеристику роли буддизма в джунгарско-цинских отношениях в сер. XVII в. – сер. XVIII в., обращая особое внимание на роль высокопоставленных лам и светских лидеров.

Задачи диссертационного исследования:

юань. Кукунорские монголы: история выхода к границе. Шэньян, 2007.

[55] Li Yang Di. Qing dai zhong yang zheng fu dui zang zheng ce shu lue.// Qing hai min zu yan jiu. 2001. № 3. P. 106-116. (Ли Янди. Краткое описание политики центрального правительства династии Цин в отношении Тибета // Цинхайские этнологические исследования. 2001. № 3. С.106-116).

[56] Feng Zhi. Lun qing shun zhi zhi qian long zhu chao ce feng da lai la ma de wen ti // Pu men xue bao. Taiwan. 2004. № 22. P. 1-22. (Фэн Чжи. Размышления о титулах далай-лам от императора Шуньчжи до императора Цяньлуна // Вестник Пумэн.Тайвань. 2004. № 22. С. 1-22).

[57] Zhang Shuang Zhi. Wu shi da lai la ma dui qing chu meng gu di qu wen ding de gong xian // Zhong guo zang xue. 2008. № 2. P. 3-10 (Чжан Шуанчжи. Вклад Далай-ламы V в стабилизацию ситуации в Монголии в период ранней династии Цин // Китайская тибетология. 2008. № 2. С. 3-10).

[58] Zhang Shuang Zhi. Wu shi da lai la ma dui qing chu meng gu di qu wen ding de gong xian // Zhong guo zang xue. 2008. № 2. P. 10 (Чжан Шуанчжи. Вклад Далай-ламы V в стабилизацию ситуации в Монголии в период ранней династии Цин // Китайская тибетология. 2008. № 2. С. 10).

[59] Chen guo guang. Xi meng gu fo jiao jing ji de xing shuai // Xin jiang she hui ke xue. 1987. № 4. P. 103-111 (Чэнь Гогуан. Взлет и падение буддийской экономики в Западной Монголии // Синьцзянские социальные науки. 1987. № 4. С. 103-111).

- сформулировать причины, повлиявшие на принятие буддизма джунгарами и маньчжурами, и особенности этого процесса;

- на основе релевантных источников определить значение тибетских духовных лидеров в джунгарско-цинских отношениях;

- уточнить роль духовенства и светских лидеров Кукунорского региона (хошуты), российских калмыков и восточных монголов в развитии джунгарско-цинских отношений;

- выявить причины поддержки цинским правительством Далай-ламы в контексте джунгарско-цинской борьбы;

- определить влияние буддизма на джунгарско-цинские отношения в период падения ханства.

Хронологические рамки охватывают период с правления Галдана Бошокту-хана, когда ханство и империя вошли во взаимодействие в буддийской сфере (конец 1670-х гг., ввиду передачи титула Галдану-хунтайджи от Далай-ламы), и до падения Джунгарии в 1757 г. С целью выявления истоков случавшихся событий исследование опускается до времени принятия ойратами (1610-е гг.) и маньчжурами (1630-е гг.) учения школы Гелукпа.

Источниковая база исследования

В диссертационном исследовании использовались источники на русском, китайском и западных языках, а также переведенные с маньчжурского и тибетского языков.

Важным было привлечение к работе архивных материалов из фондов Архива внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), а также опубликованных архивных документов на русском, китайском и западных языках.

Материалы из фондов АВПРИ, как правило, активно привлекаются к изучению истории калмыков. Этот народ не всегда именуется ойратами, но зовется согласно их этносам: черные калмыки, джунгары, дербеты, торгуты и др. Архивные документы содержат уникальные сведения, позволяющие уточнить специфику роли буддизма у ойратов, в т. ч. у джунгаров. Рассмотренные нами документы позволяют считать, что значительная их часть содержит отписки губернаторов в центральные органы власти в Москву и Санкт-Петербург о взаимодействии с ойратами, отчеты о поездках к калмыкам (ойратам), переговорный процесс, информацию от тайшей (калмыцких лидеров) и купцов о положении дел в Монголии, Китае, у тюрков и др. Нами были изучены архивные документы из некоторых фондов АВПРИ, сотрудникам которого хочу выразить признательность за советы и помощь во время работы в читальном зале Архива.

Важные документы опубликованы в серии «Материалы по истории русско-монгольских отношений»[60] (далее – МИРМО). Это классические сборники документов из разных архивов СССР, в т. ч. региональных, позво-

[60] Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607-1636: Сборник документов. М., 1959; Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1636–1654: Сборник документов. М., 1974; Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1654–1685: Сборник документов. М., 1996.

ляющие буквально в деталях проследить самые различные аспекты истории ойратов, особенно в их период тесного взаимодействия с русскими властями: миграцию ойратов, вступление в торговые отношения и военные конфликты с русскими властями на юге Сибири, проникновение к ним лам школы Гелукпа. Важные документы содержит работа Н. Н. Бантыш-Каменского[61], подобные документы представлены в издании, посвященном русско-китайским отношениям[62].

Отдельно следует отметить архивный материал, касающийся поездки капитана И. Унковского в ургу к хунтайджи Цэван-Рабдану, который был собран и опубликован в 1887 г.[63] Это издание позволяет не только ознакомиться с путевыми записями И. Унковского, но также с документами, имеющими различное отношение к его поездке к джунгарам, и содержит упоминавшуюся выше статью А. М. Позднеева «К истории Зюнгарских Калмыков», вносящую важные дополнения к заметкам И. Унковского.

Следует выделить ойратские и калмыцкие источники.

Из этих источников нами привлечены такие известные труды, как «Сказание о дербен ойратах» (1819 г.) Батур-Убаши Тюмена и «Сказание об ойратах» (1737 г.) Габан Шараба[64]. Обе работы использованы И. Я. Златкиным в «Истории Джунгарского ханства». Они содержат малоизвестные данные, которые в ряде случаев дополняют информацию из других ойратских источников – «Биографии Зая-пандиты»[65] и «Истории Хо-Орлока»[66], также использованных в диссертации. Зая-пандита (1599-1662) был не только известным ламой, но и выдающимся политическим деятелем своего времени. Биография написана в конце XVII в. Ратнабхадрой, одним из ближайших его учеников. Именно данные из этой работы позволяют проследить коллизии во взаимоотношениях джунгарских лидеров между собой. И. Я. Златкин особо отметил роль Зая-пандиты в формировании ойратских государств[67]. В «Истории Хо-Орлока» (2-я пол. XVIII в.) внимание уделяется в целом всем ойратам, но особо выделяется информация о походе ойратов в Кукунор[68]. Согласно этому источнику, в 1616 г., когда ойратские правители отдавали по одному из своих сыновей в ламы, Хара-Хула тоже посвятил своего сына в ламы[69].

---

[61] Бантыш-Каменский Н. Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882.

[62] Русско-китайские отношения в XVIII веке. Документы и материалы. Том 1. 1700–1725. М., 1978.

[63] Унковский И. С. Посольство к Зюнгарскому Хун-Тайчжи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722-1724 годы / [соч.] Ивана Унковского ; док., изд. с предисл. и примеч. Н. Ив. Веселовского. СПб., 1887.

[64] Тюмень Б. У. Сказание о дербен ойратах // Лунный свет. Калмыцкие историко-литературные памятники. Элиста, 2003; Габан Ш. Сказание об ойратах // Лунный свет. Калмыцкие историко-литературные памятники. Элиста, 2003.

[65] Норбо Ш. Зая-Пандита (Материалы к биографии). Элиста, 1999.

[66] История Хо-Орлока // Санчиров В. П. Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков. Элиста, 2016. С. 13-48.

[67] Златкин, И. Я. Зая-Пандита как политический деятель // 320 лет старокалмыцкой письменности: материалы научной сессии. Элиста, 1970. С. 26.

[68] История Хо-Орлока // Санчиров В. П. Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков. Элиста, 2016. С. 33-34.

[69] История Хо-Орлока // Санчиров В. П. Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII

Нами использована и биография другого известного ойратского ламы – Нейджи-тойна (1557-1653)[70]. Автором текста был Праджня Сагара, который собирал сведения об этом ламе в записях его учеников. Он завершил написание работы в 1739 г. Судя по содержанию источника, Нейджи-тойн прославился не только своей борьбой с шаманизмом у монгольских народов, но также своим влиянием при дворе маньчжуров.

Монголо-ойратские законы 1640 г.[71] утвердили высокий статус религии и лам у ойратов и восточных монголов, в последующем они повлияли на содержание других законов, принимавшихся ойратами и российскими калмыками. И. Я. Златкин считал, что эти законы решали ряд важных задач: разрешение споров между ойратами и восточными монголами, готовность к отражению внешней агрессии, наведение порядка среди ойратов[72]. Этот документ активно используется специалистами для изучения взаимодействия ойратов и монголов, роли лам, условий объединения народов для борьбы с агрессором и др.

Монгольские источники представлены рядом важных работ. В частности, это «Шара туджи» («Желтая история») и «Эрдэнийн эрихэ» («Драгоценные четки»). Первый источник (в переводе А. Д. Цендиной[73], написан между 1651-1662 гг.) содержит информацию о ранней истории монгольских народов, второй, хотя более посвящен восточным монголам, дает представление об особенностях взаимодействия ойратов и монголов. А. М. Позднеев перевел части обширного источника «Эрдэнийн эрихэ»[74] (1841 г.), который в наше время был полностью переведен на русский Ц. П. Пурбуевой и П. Б. Балданжаповым[75].

Редкие источники собраны в издании «История в трудах ученых лам»: работа Эрдэнипэла «Конечная причина религий в Монголии»[76], и «Хрустальное зерцало» - труд Джамбадорджи[77], которые насыщены важной информацией о деяниях ойратских лидеров: Гуши-хана, Галдан Бошокту-хана и др.

Цинские источники являются важными для более полного и комплексного изучения поставленной темы. Уникальные сведения о буддизме во всем комплексе взаимодействия между джунгарами и маньчжурами есть в «Материалах из цинских «правдивых записей» по истории Джунгарии» - докумен-

---

веков. Элиста, 2016. С. 33.

[70] Пурбуева Ц. П. «Биография Нейджи-тойна» как источник по истории буддизма в Монголии. Новосибирск, 1984.

[71] Их цааз. Великое уложение. Памятник монгольского феодального права XVII в. М., 1981.

[72] Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. М., 1983. С. 113.

[73] Желтая история (Шара туджи). М., 2017.

[74] Позднеев А. М. Монгольская летопись Эрдэнийн эрихэ. Подлинный текст с переводом и пояснениями. Материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г. СПб., 1883.

[75] Галдан. История, именуемая «Эрдэнийн эрихэ». Исследование и комментированный перевод на русский язык П.Б. Балданжаповой и Ц.П. Ванчиковой. Улан-Батор – Улан-Удэ, 2012.

[76] Эрдэнипэл. Конечная причина религий в Монголии // История в трудах ученых лам. М., 2005. С. 155-247.

[77] Джамбадорджи. Хрустальное зерцало // История в трудах ученых лам. М., 2005. С. 62-154.

тах из хроники «Цин шилу»[78]. Материалы представлены в хронологическом порядке, они передают самый дух и подробное изложение событий и процессов, имевших место с начала установления отношений ханства и империи, и вплоть до падения Джунгарии и утверждения империи на новых территориях.

Уникальные архивные документы по взаимоотношениям между центральным правительством Китая, начиная с Юаньской эпохи, и региональными правителями содержат два сборника: «Собрание архивных документов и материалов по истории взаимоотношений между местными властями Тибета и Центральным правительством Китая со времени правления династии Юань»[79] и «Собрание исторических архивов Тибета»[80]. Особо интересна переписка между тибетскими лидерами и правителями Китая, определенное внимание уделено джунгарскому периоду захвата Тибета.

Немало интересных сведений содержит известная работа Чжан-му и Хэ Цютао «Мэн-гу-ю-му-цзи» («Записки о монгольских кочевьях»)[81]. Здесь собраны порой малоизвестные сведения об ойратах в целом и о джунгарах в частности. Сборник документов дворцовой переписки, изданный Фу Ло-шу[82], покрывает большой отрезок времени – практически два века. Несмотря на то, что документы описывают самые разные стороны жизни империи, среди них представлены и те, которые уделяют внимание джунгарско- (ойратско)-цинским отношениям, в т. ч. и религиозному фактору, раскрывая малоизвестные подробности.

Интересные сведения о калмыках начала XVIII в. содержат записи Тулишэня, цинского посланника к калмыцкому хану Аюке[83]. В 1714 г. он возглавил первое китайское посольство в Европу, прибывшее к Аюке для установления отношений и, вероятно, выяснении возможностей калмыков для борьбы с джунгарами. Судя по содержанию документа, в то время отношения Цинской империи с джунгарским Цэван-Рабдан хунтайджи имели непростой характер. Определенная информация, использованная в диссертации (например, по отношениям между джунгарами и его соседями), содержится в собрании документов и материалов по Центральной Азии, переведенных на русский язык[84].

---

[78] Qing shi lu zhun ga'er shi liao zhai bian. Wu lu mu qi, 1987. (Материалы из цинских «правдивых записей» по истории Джунгарии. Урумчи, 1987).

[79] Yuan yi lai xi zang di fang yu zhong yang zheng fu guan xi dang an shi liao hui bian (Quan qi ce). Beijing, 1994. (Собрание архивных документов и материалов по истории взаимоотношений между местными властями Тибета и Центральным правительством Китая со времени правления династии Юань (Т. 1-7). Пекин, 1994).

[80] A Collection of Historical Archives of Tibet. Beijing, 1995.

[81] Чжан-му, Хэ Цютао. Мэн-гу-ю-му-цзи (Записки о монгольских кочевьях). СПб., 1895.

[82] Fu Lo-shu. A Documentary Chronicle of Sino-Western Relations (1644--1822). Tucson, 1966.

[83] Записки Тулишэня о его поездке в составе Цинского посольства к калмыцкому хану Аюке в 1712–1715 гг. // Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. Т. 1. 1700–1725. М., 1978. С. 437–483.

[84] Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV-XIX вв. Алматы, 1994.

Ряд сведений из китайских источников нами почерпнуты из труда Н. Я. Бичурина[85].

Большое значение для работы имеют тибетские источники.

Сведения из «Пагсам-джонсана» Сумба-хамбо[86] в переводе Р. Е. Пубаева позволили внимательнее изучить период джунгарского захвата Тибета в 1717 г. Этот источник – один из основных для изучения истории Тибета и ключевых событий, случившихся там за огромный период времени, в т. ч. при участии соседних народов и стран.

События в Кукунорском регионе, прилегавшем к Джунгарии, изучены нами с привлечением «Истории Кукунора», другой работы Сумба-хамбо, в переводе Б. Д. Дандарона[87]. Эта же работа была переведена на английский язык Хо-Чин Янгом[88]. Сведения из этого источника дают подробное описание Кукунорского региона, включая географические данные, и существенно дополняют отдельные эпизоды из истории ойратов.

Важным было привлечение к работе такого тибетского источника как «Автобиография Далай-ламы Пятого» [89] и обобщающего труда Я Ханьчжана[90]. Значение этого труда Далай-ламы традиционно высоко оценивается специалистами. «Автобиография» ценна описанием событий, случившихся в Тибете в период его правления, в ней немало страниц отдано описанию его отношений с первыми лицами ойратов и маньчжуров. Этот труд позволяет заключить, что ведущим тибетским ламам в джунгарско-цинских отношениях отводилась значительная роль, к ним апеллировали для получения поддержки и помощи. Я Ханьчжан широко использует китайский (цинский) и тибетский материал. Исходя из идеи о подчинении Тибета Китаю еще с монгольской династии Юань, он изучает биографии далай-лам, проводимую ими политику, проблемы администрирования и управления в стране.

Важные сведения, касающиеся периода джунгарского захвата Лхасы, содержатся в книге католического миссионера Ипполито Дезидери, свидетеля тех событий[91].

Методология и методы исследования

В методологической части работы важными ориентирами для автора послужили достижения специалистов, изучающих роль религии в кочевых сообществах, а также в их системе управления и администрирования. Был

---

[85] Бичурин Н. Я. Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии. Чебоксары, 1960.

[86] Пагсам-джонсан: История и хронология Тибета. М., 1991.

[87] История Кукунора, называемая «Прекрасные ноты из песни Брахмы». Сочинение Сумба Хамбо. М., 1972.

[88] Ho-Chin Yang. The Annals of Kokonor. Indiana University, Bloomington; Mouton & Co., The Hague, 1969.

[89] A wang luo sang jia cuo. Wu shi da lai la ma zhuan. Shang Xia ce. Chen qing ying,Ma lian long,Ma lin. Beijing, 2006. (Нгаванг Лобсанг Гьяцо. Биография Далай-ламы V. Т. 1-2. / пер. с тиб. яз. на кит. яз.: Чжэн Чиньин, Ма Ляньлун, Ма Линь. Пекин, 2006. Т. 1-2).

[90] Ya Han Zhang. Da lai la ma zhuan. Beijing: Ren min chu ban she,1984. (Я Ханьчжан. Биографии Далай Лам. Пекин, 1984).

[91] Desideri I. Mission to Tibet: the extraordinary eighteenth-century account of Father Ippolito Desideri, S.J. Wisdom Publications, 2010.

привлечен методологический потенциал трудов таких специалистов, как А. М. Хазанов[92], О. Латтимор[93]. Значительные общетеоретические представления, позволившие логично выстраивать источники и мнения специалистов, а также обосновывать собственное видение, стали возможны благодаря книге А. И. Ракитова «Историческое познание: системно-гносеологический подход»[94].

Объективность исследования обосновывается большим массивом источников на языке оригинала и переведенных на иные языки, в том числе и непосредственным ознакомлением со значительным числом архивного материала в АВПРИ. Эти источники были внимательно прочтены, подвергнуты сравнению, изучены и проанализированы с точки зрения изучаемой темы и привлечением мнений и выводов известных специалистов по соответствующим темам, затрагиваемым в них.

Сравнительно-исторический метод позволил выделить особенности процессов и событий, сопряженных с историей буддизма у монгольских народов в целом и у джунгаров в частности, в контексте воздействия сторонних сил. Здесь следует упомянуть методологический потенциал работ А. И. Чернышева, Т. Д. Скрынниковой и китайских специалистов[95]. С ним тесно был сопряжен религиоведческий метод, предоставивший возможность изучить роль титулов, званий, иных особенностей во взаимодействии светских и религиозных лидеров указанных народов в изучаемый период времени[96].

Текст диссертационного исследования изложен с использованием проблемно-хронологического принципа.

Научная новизна и оригинальность диссертации

- проведен анализ причин социальных, политических, духовно-идеологических, побудивших джунгаров и маньчжуров принять буддизм, с использованием архивных документов и иных источников; автором привлекались неизученные и малоизученные документы, что дало возможность выявить отдельные специфические черты и процессы в восприятии буддизма этими народами;

- изучено сакрально-политическое значение Тибета и его лидеров в становлении и развитии джунгарско-цинских отношений; привлечение релевантных источников позволило объективно интерпретировать события, связанные с переменами в системе отношений между Джунгарией, Тибетом, Халха и империей. Это позволило обнаружить и исследовать отдельные ма-

[92] Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2002.
[93] Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China. New York, 1951.
[94] Ракитов А. И. Историческое познание: системно-гносеологический подход. М., 1982.
[95] Чернышев А. И. Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. М., 1990; Скрынникова Т. Д. Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия. XVI — начало XX века. Новосибирск, 1988; Zhun ga'er shi lue. Guangxi shi fan da xue chu ban she, 2007 (Краткий исторический очерк Джунгарии. Издательство Гуансиского педагогического университета,2007).
[96] Schwieger P. The Dalai Lama and the Emperor of China. A political history of the Tibetan Institution of Reincarnation. Columbia University press, 2015; Wang li. Qing dai meng gu yu xi zang ge lu pai guan xi yan jiu. Bo shi lun wen. Lanzhou da xue, 2008. (Ван Ли. Исследование о взаимоотношениях между Монголией и школой Гелугпа Тибета в эпоху династии Цин. Дисс… к.и.н. Ланьчжоу, 2008).

лоизвестные или неизвестные факторы, обусловившие специфику джунгарско-цинских отношений (например, борьба джунгаров и маньчжуров за влияние в Тибете, роль ламства, попытки поднять значение Панчен-ламы и др.);

- определены, на основе изучения значительных российских, китайских и иных зарубежных публикаций и материалов, с применением упомянутых приемов, значение духовных и светских лидеров хошутов, российских калмыков и восточных монголов в формировании тех или иных событий или процессов в джунгарско-цинских отношениях, при этом акцентированы религиозные основания (событий и процессов);

- определены явления и тенденции, в т. ч. религиозно-идеологические порядки и установки (например, политическая ценность системы перевоплощений тулку («живой Будда»), значение фигуры регента-дипы), повлиявшие на формирование новых подходов центрального правительства по поддержке влияния Далай-ламы, также уточнено значение Тибета и его системы управления в контексте борьбы джунгаров и маньчжуров за влияние над монгольским миром;

- изучение влияния буддизма на джунгарско-цинские отношения в сер. XVIII в. позволило обнаружить отдельные неизученные ранее приемы и методы цинского двора по воздействию на религиозные основания Джунгарии (переписка по поводу позволения тибетских лам прибыть в Джунгарию, обучения джунгарских лам в Пекине); их исследование раскрывает понимание важности буддизма лидерами Джунгарии и империи Цин для стабильности их обществ и в системе джунгарско-цинских отношений.

Теоретическая и практическая значимость диссертации

Представленная диссертация является одной из первых работ, специально изучающих роль буддизма (в лице отдельных лидеров, институтов и положений этой религии) в развитии джунгарско-цинских отношений. Она раскрывает новые возможности в изучении духовного мира кочевников, предоставляет перспективы при смещении внимания специалистов от, например, военно-политического взаимодействия Джунгарии и Цинской империи к изучению роли религии в их разносторонних контактах. Диссертация вносит важный вклад в российскую и китайскую историографию изучения отношений между Джунгарией и Цинской империей.

Диссертация может выступить как теоретическое основание для проведения последующих изысканий в истории джунгаров и маньчжуров. Хотя есть работы по использованию буддизма цинскими правителями и их представителями в политической, религиозной, экономической деятельности, роль буддизма в политике цинского двора по отношения к Монголии и Тибету все еще остается актуальной научной проблемой. Не меньшей она является и по отношению к истории джунгаров, которая тоже остается малоизученной. Мы уверены, что тщательное исследование обозначенных нами вопросов даст возможность лучше понять место и роль тибетских лидеров в отношениях между кочевыми и оседлыми обществами в историческом пространстве и времени.

Поскольку события и процессы изучаемого периода, связанные с ролью буддизма в джунгарско-цинских отношениях, имели определенную связь с историей российских калмыков, то сделанные нами заключения и выводы могут быть полезными для более глубинного изучения отдельных моментов калмыцкой истории, уточнения устоявшихся трактовок и мнений.

Практическая значимость сделанного нами исследования состоит в том, что его содержание может быть использовано в качестве основы лекционных и семинарских занятий для студентов историков и религиоведов, оказаться полезным при написании пособий и учебников, выступить в качестве справочного материала по истории ойратов и маньчжуров, роли буддизма в средневековой истории Центральной Азии.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Лидеры джунгаров возвели буддизм школы Гелукпа на высокий уровень почитания и обозначили (совместно с восточными монголами) необходимость его защиты от врагов и притеснений в своих законах, принятых на общем съезде ойратской и восточномонгольской знати в 1640 г. Чжурчжэни (будущие маньчжуры) также выделяли это учение, в том числе для утверждения себя как преемницы монгольской династии Юань, в связи с чем они патронировали тибетскую школу Сакьяпа. Обращение лидеров школы Гелукпа к ойратам за помощью во внутритибетской борьбе было обусловлено их (ойратов) большим единством, чем восточных монголов, где царила междоусобица. Победы ойратов (прежде всего хошутов и джунгаров) над врагами Гелукпа и приход Далай-ламы к власти в Тибете в 1642 г. не остановили центробежные тенденции среди джунгарских лидеров, и о едином Джунгарском ханстве можно говорить лишь начиная с правления Галдана, признанного тулку (перевоплощением) известного ламы Энса. Становление империи Цин, налаживание отношений с Далай-ламой не помешали двору увидеть угрозу в подчинении Восточного Туркестана Джунгарией для влияния империи в этой части Центральной Азии.

2. Институты и механизмы тибетской религиозной и политической власти оказывали нараставшее влияние на монгольские народы, включая джунгаров. Вовлечение Галдана Бошокту-хана как политика и религиозного деятеля во внутримонгольские трения и вторжение в Халху в 1688 г. привело к тому, что центральным правительством было принято решение поддержать Джебцун Дампа-хутухту, религиозного лидера северной Монголии. Этот шаг позволил императору Канси решить последовательно две задачи – сделать халха-монголов своими подданными, затем разгромить Галдана, причем император явил себя буддийскому миру этой части Азии как миротворец и эманация бодхисаттвы Манджушри, милосердно заботящийся о мире и процветании всех людей. Сложности в Тибете (сокрытие регентом правды о кончине Пятого Далай-ламы, приход к власти Лхавзана, поведение нового Далай-ламы) и попытки ойратов (хошутов и джунгаров) оказывать влияние на политику тибетских лидеров (путем обнаружения перевоплощения скончавшегося Шестого Далай-ламы, укрепления отношений между собой) вызвали соответствующую реакцию в Пекине: было решено двинуть войска против

Джунгарии. К тому времени хошуты Кукунора уже входили в состав империи.

3. По причинам, обозначенным в настоящей работе, для джунгаров было важно обладать влиянием в Тибете, поэтому Цэван-Рабдан хунтайджи в 1717 г. захватил Лхасу и сместил «фальшивого» Далай-ламу, являвшегося ставленником хана Лхавзана. Вероятно, хунтайджи намеревался вернуть «истинного» Далай-ламу Калсан Гьяцо из монастыря Кумбум в Поталу, однако посланный туда отряд был разгромлен. Попытка сблизиться с Панчен-ламой также не дала результатов. Спустя три года джунгары были вытеснены из Тибета, а в Потале в торжественной обстановке, в присутствии представителей императора очередным Далай-ламой был утвержден Калсан Гьяцо. Были запрещены любые связи с джунгарами, в Лхасе появился цинский гарнизон. Но наиболее пострадавшими в плане сохранения прежних позиций и привилегий оказались кукунорские хошуты. Их восстание в 1723 г. было спустя год подавлено, это ознаменовало переход полного контроля над Тибетом к цинскому правительству. Кукунорский регион вошел в состав империи, тем самым цинские войска оказались в непосредственной близости к южным и юго-восточным границам Джунгарии. По результатам гражданской войны в Тибете 1727-1728 гг. и ввиду сохранявшихся угроз со стороны Джунгарии центральное правительство значительно трансформировало систему управления Тибетом и ситуацию с самим Далай-ламой: во главе тибетского правительства стал миванг Пхоланай, а Далай-лама был сослан на 7 лет на восток Тибета. Война между империей и ханством не принесла никому победы, а начавшиеся мирные переговоры между ними позволили императору разрешить Далай-ламе вернуться в Лхасу и возглавить правительство. Для цинского двора стало ясно, что преклонение джунгаров перед тибетскими ламами, в первую очередь перед Далай-ламой, можно использовать для влияния на их политику. Двору предстояло заменить собой джунгаров в качестве защитника и покровителя тибетского буддизма.

4. Новый хунтайджи Галдан-Цэрэн активно поддерживал буддизм в ханстве. Он пытался наладить дружеские отношения с восточными монголами и калмыками (в этом случае он также использовал религиозный авторитет своего брата, который был главным ламой в Джунгарии) для борьбы с империей, однако цинские власти пресекали их. Более того – маньчжуры в первой трети XVIII в. неоднократно предпринимали попытки заключить военный союз с калмыками против джунгаров, обещая первым облегчение прохода в Тибет на поклонение своим духовным наставникам и святыням. С джунгарами было достигнуто соглашение, что они могут направлять своих паломников в Тибет только по согласованию с императором. Тем самым империи удалось взять под контроль развитие духовной сферы у этих кочевников, одновременно император укреплял отношения с высшими ламами Тибета. Очередной властный кризис в Тибете повлиял на решение императора Цяньлуна передать там власть в руки Далай-ламы, возглавившего кашаг, состоявший из четырех министров. Пекину фактически оказались подконтрольна религиозная сторона жизни Джунгарии. Однако планы императора добиться прибы-

тия джунгарских лам в Пекин для обучения в Главном храме (это, видимо, позволило бы использовать лам для влияния на руководителей и народ ханства) не сбылись ввиду внутренней междоусобицы у джунгаров. Те события позволили Цяньлуну ввести войска в ханство и подчинить его себе.

5. Покровительство императора и цинских чиновников ламам и учению касалось разных сфер: принятие посвящений от лам, возведение культовых построек, печать сакральных текстов и др. Большое внимание уделялось формированию единой идентичности, где поклонение династии было тесно сопряжено с восприятием императора как эманации бодхисаттвы, заботящегося о всех своих подданных. Тесные связи императора с Далай-ламой и Панчен-ламой только усиливали такие настроения. Политика империи в сфере религии исходила из особенностей момента, т. е. она была гибкой. Усиливая или ослабляя политическую роль Далай-ламы, император исходил из угроз со стороны Джунгарии и чутко реагировал на любые действия джунгаров в буддийской сфере, применяя разнообразные рычаги для воздействия на их политику в отношении Тибета и Монголии. Новое положение Тибета после реформ 1750 г. означало фактически полный контроль в том числе и над Далай-ламой.

6. Буддизм, как и любая другая религия, традиционно привлекался правителями Китая для разрешения государственных задач, но не только – цинские императоры были верующими, что говорит в пользу их внутренней религиозной мотивации и восприятия ими соответствующих принципов формирования буддийской монархии. Для джунгаров буддизм был сущностной частью их культуры и повседневного быта, влиял на их идентичность. Буддизм, с одной сторон, способствовал стабилизации и даже укреплению отношений между Джунгарией и Цинской империей (например, в торговых связях), с другой – выступал разъединяющим фактором (например, борьба за влияние в Тибете). Однако именно сближение императора и высокопоставленных лам, постепенное установление контроля над ситуацией в Тибете давало императору больше рычагов для влияния на судьбу ханства.

Апробация результатов исследования

Основные содержание и выводы проведенного исследования были отражены в авторских статьях, изданных в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ, в выступлениях на конференции в ИВ РАН и РУДН.

Структура работы

Диссертация состоит из Введения, четырех глав, заключения, списка источников и литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обоснована актуальность исследования, дан научный анализ изученности темы, указаны объект, предмет, цель и задачи исследования, ее хронологические рамки, описаны и охарактеризованы источники, теоретическая и практическая значимость диссертации, ее основные положения и апробация результатов проведенного исследования.

Первая глава «Буддизм при первых правителях Джунгарии» начинается с изложения ранней истории этого ханства. Джунгарское ханство образовалось в результате упорной борьбы Хара-Хулы и Батур-хунтайджи за лидерство среди ойратов. Последний считается его первым правителем, известен как один из активных участников похода ойратов к Кукунору в 1637 г. и соорганизатор конгресса восточномонгольских и ойратских правителей в 1640 г., когда были приняты известные Законы. У ойратов росло влияние буддизма. Среди южносибирских ойратов учение школы Гелукпа распространялось с 1616 г., благодаря ламе Донкор-Манджушри Джамьянджамцо. Для принятия ими буддизма были разные причины: культурные, экономические, политические и др. Примерно тогда же учение школы Сакьяпа распространялось среди чжурчжэней. Для чжурчжэней (с 1636 г. – маньчжуры), нацелившихся на Китай, было важна историческая преемственность с Юаньской династией, в том числе и в плане духовном, поэтому они поддерживали Сакьяпу. Но активность лам Гелукпа и появление у монголов Богдо-гэгэна определили корректировку – Гелукпа также получило поддержку от двора. Маньчжуры разгромили чахарского хагана Лигдана, и многие правители южных монголов перешли к ним.

Примерно тогда лидеры Гелукпа попросили у ойратов помощи в борьбе со школой Кармапа Кагьюпа. В 1637 г. близ Кукунора монгольские войска, поддерживавшие Кармапа, были разбиты, и в 1642 г. Тибет возглавил Далай-лама. За такую помощь Гуши-хан был пожалован титулом «Тензин Чогьял», а у Кукунора возникло Хошутское ханство. Позже Далай-лама V и Гуши-хан установили отношения с династией Цин. Итак, многие аспекты маньчжурской организации государства и веры шли параллельно ранним и современным монгольским обыкновениям, это был союз власти и духовенства, укорененный в тибетской практике. В 1652 г. Далай-лама встретился с императором Шунь-чжи.

Ситуация в Джунгарии складывалась неблагоприятная. В 1654 г. не стало Батур-хунтайджи, в 1670 г. его сын и преемник Сэнгэ был убит. Его мать обратилась за помощью к своему второму сыну Галдану, который был монахом, тулку (перевоплощенцем) ламы Энса. Галдан с позволения Далай-ламы снял с себя обеты и наказал убийц. Он возглавил джунгаров и стал зваться Галдан-хунтайджи. Он оказывал большую поддержку буддизму. Его централизаторская политика привела к столкновению со своим тестем Очирту Сэцэн-ханом, главой всех ойратов, которого он победил, и тем самым период двоевластия в Джунгарии закончился. В 1678 г. он получил от Далай-ламы титул Бошокту-хана, имевший особое значение: впервые подобного звания удостоился сам Гуши-хан, возглавивший ойратские войска, направленные в Тибет для поддержки Гелук. Влияние Далай-ламы на джунгаров и ойратов в целом было все возраставшим.

Джунгары находились в контактах самого разного рода с мусульманскими правителями Восточного Туркестана. Его захват под предлогом помощи исламской группе «белогорцев» позволил Галдану обрести экономический достаток, чем он щедро делился со своими тибетскими наставниками.

Однако усиление джунгаров беспокоило маньчжуров, поскольку первые могли объединить все монгольские народы под эгидой Поталы. Следовало найти такое решение, когда привлекаемый двором для прекращения межмонгольских междоусобиц авторитет Далай-ламы не позволил бы уменьшить их, маньчжуров, собственный авторитет. Следует заметить, что междоусобица между халха началась из-за вражды Дзасакту и Тушэту ханов.

Вторая глава «Джунгаро-тибетские отношения и религиозная политика династии Цин (1688-1717)» охватывает важный период, сформировавший основные проблемы в последующих отношениях между Джунгарией и Цинской империей.

Цины увидели, что между событиями, угрожавших их власти (мятеж У Саньгуя и политика Галдана-хунтайджи), и отдельными лидерами Тибета существовала связь. Также выяснилось, что монголы признавали высшим авторитетом Далай-ламу. Встала задача монгольские и тибетские районы, где Гелукпа была влиятельной, привести под свое влияние. Цины поддержали халхаского Джебцун Дампа-хутухту как подходящего для этого кандидату: он мог создать альтернативный центр духовной власти (к Тибету) и был иерархически не ниже Галдан-тулку. Борьба между Галданом и Богдо-гегеном началась после встречи в 1686 г. враждовавших между собой ханов Дзасакту и Тушэту, когда они решили помириться. Поведение хутухту спровоцировало Галдана на вторжение в Халху в 1688 г. Тушэту-хан и Богдо-гэгэн бежали к цинской границе и стали просить императора о помощи. Император показал, что это возможно лишь при их отказе от независимости. Хутухту и другие лидеры Халхи решили подчиниться империи. Галдан требовал выдачи «зачинщиков» войны – хана и хутухту. Просьба Канси к Далай-ламе выступить посредником привела к тому, что их представители – ламы Чжирун-хутухта и Илагуксан-хутухта – приняли сторону джунгаров, это еще более уверило императора в необходимости контроля над духовенством. Война Галдан с халхасами и маньчжурами сопровождалась интенсивной дипломатической активностью между ойратами, восточными монголами, маньчжурами и тибетцами, в которой важнейшая роль отводилась ламам. Религиозная тема была сквозной в переписке между императором Канси и Галданом Бошокту-ханом.

В августе 1690 г. джунгарская армия была разбита. Галдан с остатками войск бежал к Кукунору, и вновь попытался договориться о мире с империей через содействие своего друга и регента Сангье Гьяцо, однако император отказался. Летом 1691 г. в Долонноре состоялось принятие в подданство халхасов, и Богдо-гэгэн возглавил всех монголов.

В 1696 г., разгромив Галдана, Канси узнал, что Далай-лама скончался еще в 1682 г., т. е. до начала военных кампаний джунгаров. Стало ясно, что Галдан был использован тибетскими политиками, в частности регентом, для реализации их амбициозных задач. Для двора одним из результатов победы стало решение о том, что лидеры Гелукпа и Далай-лама должны быть под контролем. Однако было неясно, как достичь этой цели.

Цины решили привлечь на свою сторону кукунорских хошутов. Тогда же перемены шли и в Тибете, где в 1703 г. ханом (гьялпо) стал Лхавзан, правнук Гуши-хана. Хан Тибета вступил в конфликт с Сангье Гьяцо, и последний погиб. Позже Лхавзан столкнулся с Далай-ламой Цаньянг Гьяцо, который отказался от обетов. Лхавзан, выполняя указ императора, заставил Далай-ламу отправиться в Пекин, тот по пути скончался. Хан нашел «истинного» Далай-ламу, не признанного многими, поэтому он обратился к императору. Последний проявил большой интерес к событиям, в т. ч. потому, что с тибетскими лидерами могли установить союз джунгары. Канси поддержал хана и признал нового Далай-ламу.

Осенью 1708 г. в Каме было обнаружено перевоплощение Цаньянг Гьяцо. С позволения императора его поселили в кукунорском монастыре Кумбум.

Цинам следовало обрести контроль над джунгарами, хошутами Кукунора и тибетцами. Ситуация облегчалась распрями между джунгарами и хошутами, а также непростыми отношениями джунгаров с восточными монголами. У джунгаров ситуация была в целом стабильной. Цэван-Рабдан, новый глава Джунгарии, понимал, что следовало наладить отношения с регентом. На хунтайджи давил и император, требуя подчинения.

В 1697 г. Цэван-Рабдан получил титул «Эрдэни Дзорикту-хунтайджи» от Далай-ламы. Джунгары стали восстанавливать разрушенные буддийские постройки и сооружения, приглашать лам из тибетских монастырей. Более того – ламы могли участвовать в обсуждении военно-политических вопросов. Хунтайджи породнился с хошутами и торгутами (у последних он позже отберет улус Санчжапа, сына хана Аюки).

В середине 1710-х гг. Цины задумались о военном подчинении джунгаров. Готовясь к войне, император использовал авторитет Дампа-хутухту, призвавшего хунтайджи подчиниться империи. Были определены основные направления наступления – с юга (через Комул и Турфан) и востока – из Халхи. Однако Цинам не удалось к 1717 г. подготовиться к наступлению. Тем временем джунгарские правители решили захватить Лхасу. Среди возможных причин такого похода – контроль над тибетским духовным лидером, под которым, вероятно, мог подразумеваться и Далай-лама, и Панчен-лама. Таким образом, отношения между джунгарами и маньчжурами заострились на фигуре тибетского первоиерарха, и столкновения были перенесены в Страну Снегов.

Третья глава «Тибетский фактор в джунгарско-цинских отношениях (1717-1735)» начинается с изучения захвата джунгарами Лхасы. Для такого рейда был ряд причин: взаимная подозрительность правителей Джунгарии и Тибета, недовольство лам Гелукпа политикой Лхавзана к Далай-ламе и регенту и др. Хунтайджи осознавал значение Тибета для всего монголо-тибетского мира как духовного центра. Вероятно, для джунгаров оставался только один способ перехватить влияние у маньчжуров в Тибете – взять контроль над лидерами Гелукпа. Возможно, он хотел передать власть от Далай-ламы Панчен-ламе. В Лхасе не успели подготовиться к обороне, и в ноябре

1717 г. она была пала. Лхавзан обратился за помощью к императору, сам погиб в бою. Кукунорская армия разбила отряд джунгаров, посланный для захвата Далай-ламы, однако она не могла воевать в Тибете. Джунгарские воины грабили город и монастыри (особенно сильные гонения были на школу Ньингмапа), пострадала и Потала. Император призвал Дампа-хутухту заставить Цэван-Рабдана вернуть войска обратно. Силы империи дважды были разбиты джунгарами, для третьей попытки были подготовлены две армии, которым предстояло также доставить Далай-ламу. Для императора было важно совместить изгнание джунгаров и возврат Далай-ламы в Поталу, так верующие наглядно убеждались в покровительстве к учению императора и «неверии» джунгаров (как было изложено в «Джунгарском эдикте»). Объявление нового Далай-ламы Шестым, а не Седьмым показывает, что двор еще не определился в своей политике к такому уникальному феномену тибетского буддизма, как тулку, и исходил из потребностей момента. Для центрального правительства было важно укрепить ситуацию в Тибете, чтобы обрести спокойствие среди подданных.

Если ранее у маньчжуров не было геополитического интереса к Тибету, то теперь, когда стало ясно его значение для стабильности империи, отношения между джунгарскими и тибетскими лидерами оказались в центре внимания. В Лхасе был размещен гарнизон, создана новая система управления. Так Тибет оказался под китайским протекторатом.

Цинские власти понимали значение Кукунорского региона в широком контексте региональной безопасности, поэтому они покровительствовали местным хошутам. Эти ойраты, подчинявшиеся восьми тайджи, еще со времен Гуши-хана находились под контролем представителя Далай-ламы, поэтому со временем двор обсуждал вопросы часто минуя мнение хошутов. Тем более вопрос о новой системе управления Тибетом после 1720 г. решался Цинами уже без принятия во внимание мнения хошутской знати.

Перемены в устоявшихся традициях, когда в новой системе управления Тибетом не нашлось позиций для хошутов, тем более после воспитания в Кумбуме нового Далай-ламы, задели этих ойратов, лидер которых Лубсан-Данжин в 1723 г. взбунтовался. Он надеялся на помощь со стороны Джунгарии, но ханство, воевавшее с казахами, не могло поддержать его. Новый император Юнчжэн призвал хошутов к повиновению, но Лубсан-Данжин отказался. Спустя год восстание было подавлено, а Лубсан-Данжин бежал к джунгарам. В Кукуноре вместо земель 8 тайджей были созданы 29 сомонов, доходы монастырей должны были передаваться в казну, откуда ламы могли получать одеяния и питание, и др. Значительные части Амдо и Кама вошли в состав империи.

В 1720 г. цинские войска взяли Турфан. Ойраты контратаковали, и императору пришлось прекратить наступление. К ситуации проявил интерес Петр Первый, направивший И. Унковского чтобы уговорить хунтайджи принять русское подданство, однако Цэван-Рабдан отказался.

Новая система управления в Тибете (кашаг из 4 министров-калонов) претерпела кризис, выразившийся в убийстве министра Канченнэ и начале

войны (1727 – 1728), она закончилась победой Пхоланая, который получил титул миванга (правителя Тибета). Маньчжуры опасались вмешательства Цэван-Рабдана в тибетскую ситуацию. Угроза со стороны Джунгарии, возможные контакты окружения Далай-ламы с джунгарами, угроза похищения его этими ойратами привели к его высылке на восток Тибета. Цины осознавали, что эти проблемы взаимосвязаны и что важно покончить с джунгарской угрозой.

Весной 1729 г. империя выдвинула свои войска к Джунгарии, однако три года боев победы никому не принесли. В 1732 г. начались мирные переговоры. В августе 1734 г. в Гартар был направлен уроженец Кукунора высокопоставленный лама Джанджа-хутухту для препровождения Далай-ламы в Лхасу. Решение направить именно этого ламу указывает на тонкости в буддийской политике императора – такое важное дело он доверяет молодому хутухту (ему было 17 лет), чье предыдущее воплощение было советником отца императора – Канси. Такое решение воспринималось населением соответственно: Юнчжэн глубоко почитает традиции и преемственность, и ожидал того же от Далай-ламы (тому было 24 года). Далай-ламе были даны преференции: он возглавил правительство, никто из министров не обладал большим объемом прав и т.д. Основным мотивом перемены отношения к Тибету, экономически и стратегически непривлекательного для двора, стало понимание значения тибетских лидеров для подчинения монгольских народов, в первую очередь джунгаров, в политике которых буддизму уделялось немаловажное значение.

В **четвертой главе «Буддизм в джунгарско-цинских отношениях в 1735-1755 гг.»** внимание уделяется проявлениям буддизма в джунгарско-цинских отношениях в условиях нарастания кризисных явлений в ханстве. При Галдан-Цэрэне хунтайджи буддизм в Джунгарии процветал. Он приглашал известных лам и обеспечивал своих священников всем необходимым. В ханстве были ламы разных направлений буддизма, что можно объяснить известными ограничениями на связи Джунгарии с Тибетом.

Для борьбы с империей Галдан-Цэрэн пытался объединиться с восточными монголами и с калмыками, однако цинские власти пресекали попытки. Центральное правительство неоднократно направляло посольства к калмыкам с целью привлечь их к войне против джунгаров. Калмыцкий хан Церен-Дондук воздержался от обещаний похода. Интересно письмо Далай-ламы к хану, в котором тибетский лидер отмечает значение учения Гелукпа для процветания империи. Аналогично содержанию разговоров послов с ханом было общение цинских чиновников при дворе императора Юнчжэна с посланниками Церен-Дондука к Далай-ламе, однако послы отказались обсуждать военные вопросы.

Последнюю попытку объединиться с калмыками Галдан-Цэрэн предпринял около 1743 г. через верховного ламу Джунгарии, написавшего письмо Дарма-Бале, вдове Аюки-хана и матери Церен-Дондука. Судя по письму, буддизм в ханстве процветал, и лама увязывал будущее учения с объедине-

нием всех ойратов. Однако оно не оказало влияния на калмыков в т. ч. по причине разрушения их связей с джунгарами еще с начала XVIII в.

Император приказал Пхоланаю докладывать обо всем, что касалось джунгаров. Галдан-Цэрэн был вынужден обращаться к императору позволить ему направить в Тибет людей для организации и участия в жертвоприношениях. Особое внимание уделялось ламам, прибывшим в Тибет из Джунгарии, поскольку их подозревали в шпионаже.

Цэван-Дорджи-Намгьял, возглавивший ханство после Галдан-Цэрэна, укреплял отношения с Россией, заинтересованной в российском подданстве джунгаров. Этот вопрос был актуален еще со времен Цэван-Рабдана, но при Галдан-Цэрэне снят с повестки.

В 1740-х гг. отношения между цинским двором и тибетскими лидерами укреплялись, ламы почитались императором как учителя и наставники. Но после смерти Пхоланая в 1747 г. политическая нестабильность, кульминацией которой стало убийство его преемника Чжургмед-Намгьяла и двух амбаней, вынудила императора Цяньлуна провести очередные преобразования. В 1750 г. он утвердил Далай-ламу как главу правительства-кашага (состоял из четырех министров-калонов), обладавшего специфической структурой: три светских министра и один лама, по аналогичной схеме было построено и ламское управление.

Важным инструментом влияния на джунгаров император считал возможность обучения их лам в пекинских храмах под наставничеством отобранных тибетских лам. Переписка между хунтайджи Цэван-Дорджи-Намгьял и Лама Дорджи (который захватил власть после убийства первого) и императором указывает на стремление Цяньлуна взять религиозную сферу Джунгарии под свой контроль. Однако джунгарские правители так и не отправили своих лам в Пекин. К власти в ханстве ненадолго пришел Даваци, с которым вскоре столкнулся Амурсана, обратившийся за помощью к императору, который вел войска в Джунгарию. Религиозный фактор использовался цинскими правителями в их политике по отношению к хунтайджи в зависимости от контекста ситуации, например, в обвинениях в переходе в ислам, когда джунгаров называли «тхомкарами» («принявшие ислам»). Религиозный фактор сыграл свою роль в падении Джунгарии, к остальным причинам следует отнести постоянную военную угрозу для империи от джунгаров, и обеспокоенность двором сохранения надежных связей с «Западным краем». Джунгары не преуспели в формировании надежной базы для противостояния империи, которая укрепляла своих позиции в самых принципиальных местах – в Тибете и Монголии.

Покровительство буддизму у цинских правителей принимало разные формы: принятие посвящений от лам, издание текстов и др. Маньчжуры выделяли близость их культуры к монгольской и тибетской, тем самым влияя на их идентичностные показатели. Отличились здесь все императоры: Канси, Юнчжэн и Цяньлун, которые воспринимались как эманации бодхисаттвы Манджушри. Значительные достижения были в культовой архитектуре, в частности в Жэхэ и Пекине, был даже построен Храм Умиротворения далеких

земель для 12 тыс. бывших джунгаров, переселенных в Жэхэ. В Пекине главным храмом стал Юнхэгун, основанный на месте дворца императора Юнчжэна.

Когда стало ясно, что развитие отношений между лидерами монгольских народов и тибетскими ламами может негативно повлиять на империю, императоры установили с ламами тот уровень отношений, который был нужен для империи. Высшие слои маньчжуров получали посвящения, а императоры почитались как высокореализованные ламы (Юнчжэн), воплощения Манджушри и Вималакирти (Цяньлун). Буддийская идея чакравартина могла способствовать проведению активной внешней политики.

Магические способности лам и весь спектр сакральных возможностей привлекались императорами для борьбы с джунгарами: проводились обряды умилостивления, заклинаний, жертвоприношения. Императору не приходилось делать различия между религией и политикой, т. к. сфера религиозного в Китае всегда была подчинена сфере политической, имея целью упрочение власти императора и сохранения единого государства. Особенно ярко эта идея прослеживается в тексте «Ламашо»: интерес династии к тибетскому буддизму был обоснован прежними отношениями между династиями Юань и Мин с одной стороны, и тибетскими ламами, с другой. Эти отношения известны как особый союз mchod-yon («лама – патрон») между ламами и светскими правителями. Две линии перевоплощения – Джебцун Дампа-хутухту и Джанджа-хутухту – сыграли важную роль в проведении Цинской династией своей политики среди монголов и тибетцев.

В **Заключении** отмечено, что распространение и укрепление с 1616 г. тибетского буддизма Гелукпа у ойратов, кочевавших у р. Иртыш, имело разные причины: социальные, политические, духовно-идеологические, было и влияние восточномонгольских лам. Тогда же ойратские правители передали по сыну для обучения в монастыри Гелукпа. Примерно тогда же школа Сакьяпа укреплялась у чжурчжэней (маньчжуров), для которых было важно показывать преемственность с Юаньской династией, в том числе в плане религиозном, поэтому они поддерживали Сакьяпа, позже и Гелукпа.

В 1637-1642 гг. ойраты, ставшие ревностными последователями учения Гелукпа, военным путем поддержали ее в борьбе в Тибете, и севернее Тибета возникли Хошутское и Джунгарское ханства. Позже Далай-лама V и Гушихан установили отношения с императором династии Цин. У маньчжуров организация государства и веры шли параллельно монгольским обыкновениям и реалиям, это был союз власти и духовенства.

Джунгарское ханство появилось благодаря Хара-Хуле и Батур-хунтайджи, отцу и сыну. Законами 1640 г. была создана система поддержки лам и их учреждений. В 1671 г. Джунгарию возглавил Галдан. В 1678 г. он получил от Далай-ламы титул Бошокту-хана. Усиление джунгаров обеспокоило цинскую династию, ведь возникла угроза объединения монгольских народов под властью Поталы.

Цины заметили, что Далай-ламу почитали все монгольские народы. Маньчжуры решали ряд проблем: укреплять свой авторитет среди монголов,

привести под свое влияние районы близ Тибета, и поддержать монгольского Джебцун Дампа-хутухту (Богдо-гэгэна) как альтернативный центр духовной власти. Борьба между Галданом и Богдо-гегеном (оба были перевоплощенцами известных лам) привела к вторжению джунгаров в Халху. В итоге халхасы подчинились Цин. Галдан вступил в конфронтацию с императором Канси. Переход послов императора и Далай-ламы, бывших ламами, в стан Галдана еще более уверило Канси в контроле над духовенством. Война сопровождалась интенсивной политической и дипломатической активностью, когда послами были ламы школы Гелукпа.

В августе 1690 г. джунгары были разбиты. Галдан безуспешно пытался договориться о мире. В 1696 г. Канси заподозрил, что после смерти Далай-ламы Галдан был использован регентом для реализации своих задач. Двору нужен был контроль над ламами Гелукпа.

С конца XVII в. кукунорские хошуты стали принимать подданство империи, но тибетские хошуты были независимы. В 1703 г. ханом Тибета стал Лхавзан, который устранил от власти регента и Далай-ламу Шестого, и утвердил своего ставленника как «истинное» перевоплощение Далай-ламы Пятого. Император одобрил действия хана.

Осенью 1708 г. было обнаружено перевоплощение Далай-ламы Шестого, которого признали кукунорские хошуты. Его поселили в кукунорском монастыре Кумбум.

В 1697 г. джунгарский Цэван-Рабдан получил титул «Эрдэни Дзорикту-хунтайджи» от имени Далай-ламы. В ханстве были восстановлены разрушенные буддийские постройки. Хунтайджи укреплял отношения с хошутами и торгутами.

Цины готовились к военному подчинению джунгаров, но Цэван-Рабдан осенью 1717 г. неожиданно захватил Лхасу. Таким образом, противоречия между джунгарами и маньчжурами заострились на фигуре тибетского первоиерарха. Было ясно, что тот правитель, кто обладал влиянием в Тибете, контролировал весь монгольский мир. Вероятно, хунтайджи хотел передать власть в Потале от Далай-ламы к Панчен-ламе. Для изгнания джунгаров были подготовлены две армии, которым также доставляли в Поталу Далай-ламу. Императору было принципиально совместить изгнание джунгаров и возврат Далай-ламы при его поддержке.

После 1720 г. отношения между джунгарскими и тибетскими лидерами оказались в центре внимания двора. Была создана новая система управления страной, Тибет оказался под китайским протекторатом. От участия в переменах были отстранены кукунорские хошуты, в ответ хунтайджи Лубсан-Данжин поднял в 1723 г. восстание, которое в 1724 г. было подавлено, а Лубсан-Данжин бежал к джунгарам. После реформ в Кукуноре значительные части Амдо и Кама вошли в состав империи.

Противоречия среди тибетских министров привели к убийству министра Канченнэ и началу гражданской войны, где победил Пхоланай. Маньчжуры опасались вторжения джунгаров в Тибет, поэтому Далай-ламу отправили

на восток Тибета. Двор понимал, что все эти проблемы взаимосвязаны и что важно покончить с джунгарской угрозой.

В 1729 – 1732 гг. с переменным успехом шли боевые действия между империей и ханством. В 1734 г. Далай-лама вернулся в Лхасу и возглавил правительство. Основным мотивом перемены отношения к значимости Тибета стало понимание его значения для подчинения монгольских народов.

Новый хунтайджи Галдан-Цэрэн безуспешно стремился объединиться с восточными монголами и калмыками. Документы по цинским посольствам к калмыкам 1712 и 1730 гг. показывают, что их целью была попытка привлечь калмыков к войне против хунтайджи. Судя по письму главного ламы Джунгарии к матери калмыцкого хана Церен-Дондука, буддизм в Джунгарском ханстве пребывал в процветании.

Поскольку император держал под контролем контакты Джунгарии с Тибетом, Галдан-Цэрэн с позволения двора направлял в Тибет свои посольства для совершения служб. Следующий хунтайджи Цэван-Дорджи-Намгьял проводил курс на укрепление отношений с Россией, которая была заинтересована в российском подданстве джунгаров.

В 1740-х гг. отношения между цинским двором и тибетскими лидерами расширялись и укреплялись. Нестабильность в Тибете, выразившаяся в убийстве Чжургмед-Намгьяла, нового правителя, вынудила Цяньлуна реформировать управление регионом. В 1750 г. он восстановил Далай-ламу как главу правительства. Для двора контроль над правительством Тибета означал возможность влияния на джунгаров и другие монгольские народы.

Были и иные возможности влиять на развитие и роль буддизма у джунгаров – так, император приглашал их лам на обучение в пекинских храмах, но вскоре у них началась междоусобица. Против нового хунтайджи Даваци вступил Амурсана, попросивший помощь у императора. Цяньлун ввел войска в Джунгарию и подчинил ее себе. Религиозный фактор использовался двором по отношению к Джунгарии в зависимости от контекста ситуации, например, в обвинениях в переходе в ислам, когда джунгаров могли называть «тхомкарами» («принявшие ислам»). Буддийский фактор сыграл свою роль в падении Джунгарии, ханство не смогло сформировать основу для противостояния империи.

Императоры почитались как высокореализованные ламы (Юнчжэн), воплощения бодхисаттвы Манджушри и легендарного Вималакирти (Цяньлун). Буддийская идея чакравартина способствовала проведению активной внешней политики. Маньчжуры отмечали близкие черты в культуре своей, монголов и тибетцев, влияя на их идентичностные показатели.

Цинские императоры установили с ламами тот уровень отношений, который был нужен для укрепления империи. Способности лам широко привлекались для борьбы с джунгарами. В Китае сфера религиозного всегда была подчинена сфере политической, укрепляя власть императора и сохраняя единое государство. Цяньлун в тексте «Ламашо» отмечал, что интерес династии к тибетскому буддизму соответствовал тесным отношениям между династиями Юань, Мин и тибетскими ламами. И именно озабоченность ролью

лам, с одной стороны, и необходимость взять под контроль восточных монголов и джунгаров, глубоко почитавших этих лам, с другой, повлияли на его политику в сфере буддизма.

Основное содержание диссертации отражены в публикациях:

В изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Китинов Б.У., Лю Цян. К вопросу о раннем взаимодействии маньчжурских правителей и тибетских лам // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2018. Т 10. № 1. С. 79-85.
2. Китинов Б.У., Лю Цян. Религия в ойратской политике династии Цин // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 11. № 1. С. 44-55.
3. Китинов Б.У., Лю Цян. Джунгаро-тибетские отношения в первой половине XVIII в.: особенности периодизации // Ориенталистика. 2021. Т 4. № 1. С. 77-95.

В прочих изданиях:

4. Китинов Б.У., Лю Цян. Цинский источник о роли религии во взаимоотношениях между ойратами, Китаем и Тибетом // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей/ под ред. А. А. Курапова, Е. И. Герасимиди, А. Н. Алиевой. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2018. Вып. X. С. 82-90.
5. Лю Цян. Религия в цинско-джунгарских отношениях // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 23: Тибетология и буддология на стыке науки и религии–2018 / Отв. ред. выпуска С. Л. Кузьмин, Т. Л. Шаумян. М.: Институт востоковедения РАН, 2019. С. 201-206.